

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 41-1, Is. 3-1, pp. 857-866, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(47)

Analytism against Empiricism: Reflections on the New Book by B.N. Mironov

Lyudmila N. Mazur ^{a, *}

^a Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Russian Federation

Abstract

The article analyzes Boris N. Mironov's monograph "The Russian Empire: From Tradition to Modernity," and discusses the features of the author's style and methodology. The article focuses on the three main issues:

(1) Consideration of the features of an analytical work, to which category Mironov's book belongs. It has been suggested that empirical (concrete historical) and analytical (generalizing) works represent different categories of research, but have equal value, that is, they cannot be counter posed. If empirical study is focused on a complete and systematic description of historical events, then analytical study is focused on the identification of patterns and the examination of trends.

(2) The advantages and disadvantages of the integrated methodology used in the monograph for the interpretation of historical material. It is noted that one of the possible consequences of conceptual instrumentalism and pluralism is the confusion related to different terminological systems, which affects the correct perception of the information by the reader.

(3) The role of historian in creating historical myth. Focusing on the "positive" or "negative" approach to the assessment of historical events and processes contributes to the creation of historical myths because of their emotional connotation. Historians are actively involved in the formation and mythologizing of historical consciousness: in contrast to the Soviet myth of the Russian Empire as a "prison of peoples" and a country of "poverty and injustice", there is today a myth of "achievements," demanded by society.

Keywords: history of the Russian Empire; methodology of research; methods of research; analyticism; empiricism; population; family; urbanization; historical myth; modernization.

Обобщающий комплексный научный труд по социальной истории России имперского периода – важное событие в отечественной науке. Для появления таких работ требуется счастливое стечение нескольких обстоятельств: во-первых, достижение определенного уровня накопления информации и знаний по рассматриваемой теме; во-вторых, способность автора к проведению аналитического обобщения, предполагающего глубокое знание как источников, так и историографии по избранной теме; в-третьих, наличие авторского взгляда на рассматриваемые события или явления. А в случае, когда речь идет о комплексном подходе к репрезентации истории огромной страны на протяжении нескольких веков, важен не просто авторский взгляд, а концептуальное переосмысление данного периода истории, стремление найти свой ответ на «больные» вопросы.

* Corresponding author

E-mail addresses: Lmaz@mail.ru (L.N. Mazur)

Применительно к имперской истории – это оценка результатов развития Российской империи в XVII – начале XX в. и причин Революции 1917 г.

Рецензируемый труд, вышедший в свет в трех томах, можно рассматривать как закономерный результат всей предшествующей творческой деятельности Б.Н. Миронова, отразивший его авторскую манеру работы с исторической информацией, методологические подходы к пониманию социальных процессов и видение прошлого. Издание «Российской империи...» опирается на более ранние работы Б.Н. Миронова (Миронов, 1990; Миронов, 2010; Миронов, 2013) и прежде всего на его неоднократно переиздаваемый двухтомный труд «Социальная история России периода империи...» (Миронов, 1999; Миронов, 2000; Миронов, 2003). Однако новая монография не дублирует их, а уточняет, дополняет и расширяет.

В центре внимания Б.Н. Миронова находятся такие базовые понятия социальной истории как «население», «общество» и «власть». Им посвящены первые два тома (Миронов, 2014; Миронов, 2015a). Третий том (Миронов, 2015b), в некотором смысле итоговый, содержит ответы на наиболее дискуссионные вопросы российской истории: о месте и роли российского государства; причинах и характере русских революций; особенностях российского общества имперского периода. Все главы монографии и сюжетные линии работают на доказательство нескольких основных тезисов:

1) благосостояние населения России в период империи неуклонно росло, экономика и общество развивались, т. е. модернизацию следует признать успешной (Миронов, 2015b: 680–686);

2) ускоренная модернизация сопровождалась большими издержками, в том числе увеличением социальной и межэтнической напряженности, ростом конфликтности и насилия. Общество из-за форс-мажорных внутренних и внешних обстоятельств не справилось с процессом перехода от традиции к модерну (Миронов, 2015b: 689–691);

3) революции начала XX в. были обусловлены не столько социально-экономическими, сколько политическими факторами; их застрельщиками выступила интеллигенция (Миронов, 2015b: 733);

4) российская революция 1917 г. была антимодернистской, поскольку нарушила прогрессивный ход развития российского общества (Миронов, 2015b: 608).

Это неполный перечень положений, к которым в ходе своих исследований приходит автор. Интересные выводы содержит каждая из 12 глав, в концентрированном виде они изложены в главе 13 и Заключение. Не все идеи автора принимаются сразу. Многие уже обсуждались историческим профессиональным сообществом (Ахиезер, 2000; Круглый стол, 2000; Согрин, 2002), другие еще будут обсуждаться, поскольку перед нами не просто обобщающее исследование, а острополемиический текст, в котором с «цифрами в руках» Б.Н. Миронов отстаивает свое мнение по узловым проблемам российской истории. И оно часто идет вразрез с представленными в исторической науке точками зрения.

Характерной чертой рассматриваемой работы является опора на отечественную и зарубежную историографию, которая нужна автору не только для показа сложившихся в науке подходов к изучению рассматриваемых проблем, но и для формирования информационной базы исследования. Выводы Б.Н. Миронова основаны преимущественно на изучении опубликованных исторических источников и научной литературы. Это замечание не снижает ценности проведенной работы, но служит для уточнения характера исследования – перед нами *аналитический проект с опорой на историографические источники, нацеленный на изучение процессных явлений* в их комплексе и взаимосвязи с акцентом на выделении общих трендов, закономерностей и качественных состояний/оценок.

Несмотря на то что монография содержит преимущественно фактографию второго уровня, т. е. уже введенную в научный оборот, а значит, критически осмысленную, Б.Н. Миронов подвергает тщательному анализу все используемые данные. В монографии нашли отражение несколько уровней работы с информацией – источниковедческий, методический и интерпретационный, что позволяет получить полное представление о творческой лаборатории исследователя. Такое отношение к используемой исторической информации заслуживает уважения и свидетельствует о высоком профессионализме.

Монография носит выраженный дидактический характер, недаром труд открывается посвящением студентам «бывшим, настоящим и будущим», приглашая читателя вместе с автором обсудить все основные проблемы изучения истории Российской империи и прежде

всего историографические подходы и источниковую базу. Раскрывая информационный потенциал исторических источников, Б.Н. Миронов последовательно анализирует все их особенности и недостатки. Особое внимание в монографии уделено критике массовых источников – ревизских сказок, данных метрического и административного учета населения и пр. Очень интересна предложенная автором методика «исправления» искаженных данных демографической статистики с использованием математических методов.

Импонирует стремление Миронова как можно более четко обозначить свой методологический статус – те подходы, которые были им использованы для интерпретации и объяснения исторического материала.

Все перечисленные моменты в совокупности раскрывают многомерность и комплексность проведенного исследования, которое позволяет каждому читателю почерпнуть из монографии что-то новое, интересное и полезное для себя.

Каким должно быть историческое исследование?

Среди многообразия затронутых в монографии сюжетов особого внимания заслуживают методологические и среди них вопрос о том, каким должно быть историческое исследование. Сам Б.Н. Миронов является сторонником *аналитической* истории, ориентированной на изучение закономерностей и тенденций. В Предисловии он пишет: «Тенденции, смысл и значение исторических событий становятся понятными в контексте: во-первых, истории всеобъемлющей, но рассмотренной под социальным и антропологическим углом зрения, во-вторых, в рамках длинных или средних периодов» (Миронов, 2014: 27). Именно на таком исследовательском подходе настаивает ученый, предвзято возражая оппонентов и обосновывая свою правоту не в мелочах, но в основных, базовых выводах.

Отличительными чертами рассматриваемого труда, определяющими творческую манеру автора, являются:

- *анализм*;
- обобщающий характер с упором на изучении *процессных явлений*, а не событий;
- ярко выраженная *методико-методологическая рефлексия*;
- *концептуализм* (синтез эмпиризма и рационализма).

Вслед за Ф. Броделем, который делил «историческое время» на три уровня: короткое время (событийная история); средней длительности, или циклическое время (история процессов); длительное время (история мегаобъектов) – и рассматривал последнее как наиболее содержательный объект для анализа, Б.Н. Миронов сосредоточивает свое внимание на категориях среднего и длительного времени. Конкретно-исторические исследования Борис Николаевич относит к «поверхностному» уровню событийной истории, подчеркивая, что «при изучении коротких периодов затруднительно, если невозможно, разглядеть долговременные изменения и тенденции» (Миронов, 2014: 27). Полемический запал автора понятен, но такое противопоставление едва ли оправданно. Аналитическая история (изучение закономерностей в длительной ретроспективе) невозможна без конкретно-исторических исследований; причем, по мнению Ф. Броделя, «кратковременность – наиболее капризная, наиболее обманчивая из всех форм деятельности. Поэтому у некоторых историков складывается настороженное отношение к традиционной истории, так называемой истории событий» (Бродель, 1977: 120).

Событийная история является основой для обобщающих трудов (что продемонстрировал в своей работе Б.Н. Миронов, активно используя работы российских и зарубежных историков для обоснования многих своих выводов). Поскольку информационный базис такого рода трудов составляют исторические источники, как правило архивные, а основные выводы и суждения опираются на их анализ и интерпретацию, вполне уместно говорить об *эмпиризме* как характерной черте конкретно-исторических исследовательских практик.

Обобщающие исследования их дополняют. Основная задача аналитических проектов – формирование целостных представлений о исторических мегаобъектах и объяснение исторических процессов. Изучение подобных тем требует от историка навыков обобщения огромных объемов исторических данных и склонности к *анализму*, который выражается в реализации аналитического подхода к научному исследованию и опирается на *методы типологии, моделирования, факторного, причинно-следственного и динамического анализа*, широко использованные Б.Н. Мироновым при изучении основных сюжетов.

Каждая из разновидностей исторического труда имеет свои плюсы и минусы. Возможности эмпирического исследования ограничены в широте выводов, но дают наиболее полную и системно выстроенную картину исторических событий и явлений, позволяющую учесть каждый факт. Аналитические исследования, напротив, способны на широкие обобщения, но уязвимы в мелочах: всегда можно найти факты, не вписывающиеся в логику абстрагированных суждений. Б.Н. Миронов это хорошо осознает, отмечая, что «преодоление фрагментарности знаний и выявление тенденций требуют жертвы деталями» (Миронов, 2014: 27).

В представленной монографии исследуются не просто мегаобъекты (Российская империя), предметом изучения выступают *процессные явления* – колонизация, социальная мобильность, демографические процессы, расселение, материальное благосостояние и пр., которые стоят над событийной историей и иллюстрируются динамическими рядами. Это наиболее уязвимый аспект работы – обоснованность отбора статистических данных, надежность используемой информации и ее достаточность для доказательных выводов. Если первые два момента вполне успешно контролируются автором, то третий нередко оказывается вне зоны внимания. «Жертва деталями» неизбежно ведет к упрощению исторической реальности, а в крайних вариантах может способствовать утрате историчности. Так, например, в главе 5 монографии, анализируя динамику развития сельской поселенческой сети, Б.Н. Миронов использует для иллюстрации своих выводов сглаженный 40-летний тренд, в результате чего отрицательная динамика численности сельских поселений фиксируется с 1917 г. (Миронов, 2014: 801), хотя рост их числа в России продолжался до конца 1930-х гг. и только после войны началось сокращение (Мазур, 2012: 47). Смещение вроде бы незначительное, но оно заметно специалистам. Не сомневаюсь, что автор столь масштабного труда прекрасно осознает свою уязвимость: огромное количество предложенной читателю информации дает широкий простор для критических замечаний.

Все элементы рассматриваемого исторического труда, начиная от определения объекта исследования, методов и завершая выводами, нацелены на выявление исторических закономерностей и придают ему черты *аналитического исследования*, определяя достоинства и недостатки проделанной работы. Достоинства здесь очевидны, а недостатки прогнозируемы. Сторонник эмпирической истории будет испытывать нехватку описательности, событийного нарратива. Осознавая этот запрос, Б.Н. Миронов стремится выполнить его за счет соблюдения правила «триединства», т. е. сочетания текста, статистики и иллюстраций. Плотность статистических таблиц и «картинок» в монографии очень высока: они встречаются едва ли не на каждой странице, выполняя функции переключения и поддержания внимания и представляя собой самостоятельный информационный ресурс. Особо следует отметить стремление автора к визуализации истории: в монографии используются портреты, фотографии, репродукции картин, иллюстрирующие основные сюжетные линии. Несмотря на монохромную печать, они удачно оживляют текст, способствуют визуальной конкретизации аналитической информации, добавляя ощущение прикосновения к истории.

«Когда б Вы знали, из какого сора растут цветы...»¹: методология как инструмент исторического исследования

Не менее интересен теоретико-методологический аспект рассматриваемой работы. Базовый подход к подаче и анализу исторической информации, который использует Б.Н. Миронов, задается уже в названии монографии, где есть указание на режим восприятия автором исторического материала: «от традиции к модерну». Модернизация – один из наиболее часто встречающихся в монографии терминов, используемых для концептуализации всех изучаемых процессов, начиная от колонизации и демографического поведения и завершая культурой. Весь фактографический материал препарирован в контексте модернизационной парадигмы и оценен в соответствии с ней, т. е. с позиций прогресса и поступательного движения вперед.

Осознавая недостаточность объяснительного потенциала теории модернизации для интерпретации всех явлений, Б.Н. Миронов расширяет свою методологическую базу за счет привлечения других теорий и декларирует в качестве основного «интегральный»

¹ Строчка из стихотворения А. Ахматовой использована Б.Н. Мироновым в качестве эпиграфа к Введению в 1-м томе.

(неоклассический) подход, основанный на аналитико-экспериментальной переработке различных объяснительных концепций (формационного, цивилизационного, модернизационного, мир-системного, институционального и синергетического подходов, а также постмодернизма), выявлении в них рациональных зерен и применении для оценки изучаемых явлений. Мне такая позиция понятна и близка, я всячески приветствую десакрализацию теоретического знания и перевод его в разряд инструментальных практик.

Вместе с тем инструментальность и плюрализм методологического арсенала также имеют свои плюсы и минусы. Достоинства хорошо показаны Б.Н. Мироновым и рационально обоснованы, а вот недостатки не отмечены. К угрозам методологического инструментализма следует отнести: во-первых, возможность «незавершенности» объяснительного акта, который в контексте используемого методологического подхода должен привести к уточнению и иллюстрации историческими примерами базовых терминов; а во-вторых, опасность смешения понятий, а иногда искажения понятийного аппарата.

Так, например, рассматривая в главе 4 процессы модернизации российской семьи, автор фактически уходит от ожидаемого уточнения понятий «традиционная» и «современная» семья, подменяя их характеристикой «патриархальной» и «демократической» семьи: типология остается незавершенной. Аналогичная ситуация складывается в главе 5, объектом которой выступают процессы модернизации города и деревни. Б.Н. Миронов отмечает, что «нет ясности относительно уровня урбанизации России» (Миронов, 2014: 517), поскольку нет возможности оценить ни количество городского населения, ни городов. Видимо, в силу этого автор не обращается к базовым проблемам истории урбанизации (в частности, выделению ее стадий, связанных с переходом от аграрного/традиционного к индустриальному и интегрированному расселению), уточнению исторических критериев и содержания понятия. Все внимание в главе сосредоточено на второстепенных вопросах типологии российского города XVII–XIX вв., механизмах его взаимодействия с сельской местностью.

Между тем при изучении урбанизации как исторического явления на первый план выходит проблема ее периодизации, в основе которой лежит вопрос о начале, отправной точке урбанизационных изменений. И хотя зафиксировать точную дату принципиально невозможно, но дать хотя бы относительные ориентиры необходимо. Иначе нет смысла говорить о каких-то существенных характеристиках, особенностях, стадиях этого процесса, его результатах и перспективах. Существуют два основных методологических подхода к периодизации урбанизации – мир-системный и модернизационный. Первый рассматривает урбанизацию как процесс создания и развития городов вообще, а его начало восходит к IV в. до н.э. В рамках модернизационного подхода урбанизация понимается как процесс кардинальной перестройки общества на городских началах, связанный с переходом от аграрного общества к индустриальному, и не совпадает с представлениями об историческом развитии городов. Остается неясным, какой точки зрения придерживается Б.Н. Миронов.

В результате смешения понятий, относящихся к различным терминосистемам, возникают невольные искажения в восприятии читателем процессов урбанизации. Это касается употребления понятий «интеграции взаимодействия города и деревни» и «интегрированное расселение». Первое используется автором для характеристики связей между городом и сельской местностью во второй половине XIX в. Оно пересекается с понятием «интегрированное расселение», используемым в урбанистике для обозначения структур, относящихся к мегаполисам и агломерациям. Появление интегрированного расселения в России фиксируется специалистами на несколько десятилетий позднее – в начале XX в. (Лаппо и др., 2010).

Интереснейшая глава об эволюции сословий и внутрисословной мобильности, где особое внимание уделено понятийному аппарату, также не лишена противоречий. Это касается, в частности, использования терминов «класс», который в отечественной науке прежде всего ассоциируется с марксизмом, а также «страта», взятого из более поздних социологических теорий. Б.Н. Миронов придерживается определения понятия «класс», предложенного П. Бурдьё, и связывает становление классов в России с профессионализацией (Миронов, 2014: 461) и трансформацией сословий (Миронов, 2014: 479). Для характеристики социальной структуры российского общества им используется также понятие «стратифицированные типы», усложняя и без того запутанную картину. Основной итог эволюции социальной структуры изложен в схеме социальной

стратификации российского общества начала XX в., в которой в качестве *классов* выделены *высший, средний, «синие воротнички» и низший (социальное дно)* (Миронов, 2014: 463–464). Данная классификация используется в зарубежной социологии и опирается в своей основе на показатели дохода. В связи с этим возникает немало вопросов: о критериях отнесения населения к той или иной страте помимо профессии и сословия. И самое главное: насколько такая схема исторична? Социальная структура основана не только на механизмах дифференциации, но и идентификации, в том числе самоидентификации, позволяющих человеку иметь представление о «своем месте» в общественной иерархии, которое в изучаемый период определялось сословным делением. Вряд ли кто из рабочих конца XIX в. идентифицировал себя как «синий воротничок». Более того, общественному сознанию начала XX в. была ближе марксистская теория классов, и антогонизм пролетариата и буржуазии воспринимался обществом того времени как социальная реальность.

Исследование социальной иерархии американского города было проведено У. Уорнером в 1930–1950-е гг. и отражало другую социальную действительность (Уорнер, 1997), адаптировать его схему «социальных классов» к позднеимперскому периоду очень сложно и требует проработки классификации в терминах того времени. В результате предложенная Б.Н. Мироновым схема классов весьма любопытна, но представляет собой теоретическую конструкцию, эпистемологический смысл которой для понимания структуры позднеимперского общества не вполне очевиден.

В целом, приветствуя познавательные возможности методологического инструментализма, все же хочется обратить внимание на его издержки, среди которых особое место занимает проблема терминологии. Каждая концепция оперирует своим понятийным аппаратом, их смешение и параллельное использование терминов из разных терминологических систем затрудняет понимание и использование полученных выводов, включение их в историографический контекст.

О задачах истории и историка

Еще один вопрос, на котором хочется остановиться особо, касается роли истории и историка. В предисловии к монографии автор определяет свою позицию как «исторический оптимизм» (Миронов, 2014: 17) и рассматривает «клиотерапию» в качестве надежного лекарства от «исторического пессимизма» – негативного восприятия результатов социально-экономического и политического развития Российской империи. В заключительном томе Б.Н. Миронов подчеркивает: «Необходимо создать новое адекватное позитивное прошлое, и оно должно стать письменным научным текстом, памятниками монументального искусства, живописи, кино и литературы. Только так новое объективное позитивное прошлое может стать частью не только исторического коллективного сознания, но и индивидуального сознания» (Миронов, 2015b: 724).

Стремление автора монографии сформировать *позитивный образ* имперской истории можно считать вполне реализованным, но это имеет весьма неоднозначные последствия: во-первых, образ всегда обращен к чувствам читателя, его эмоциональному восприятию прошлого; во-вторых, такой подход редуцирует научный взгляд на исторические процессы до бинарной оппозиции «хорошо – плохо» и способствует формированию *исторического мифа*.

Складывается любопытная ситуация: борясь против сложившихся в историографии мифов (отечественных и зарубежных), созданных еще в советскую эпоху и «унижающих национальное достоинство России», автор создает свой миф – *миф «достижений»*. Может быть, в этом есть своя закономерность, связанная с использованием «симметричных» методов борьбы: победить миф может только другой миф, сконструированный как антитеза на принципах контраста. Особую убедительность выводам Б.Н. Миронова придает постоянное применение «строгих» научных методов – количественного анализа, математической статистики. В результате мы получаем вариант «рационального» мифа, обращенного не только к чувствам, но и к разуму читателя.

Героем нового конструируемого автором мифа выступает государство, которое, играя роль хорошего хозяина, а в некоторых случаях «коменданта общежития», стремится поддерживать баланс в обществе и обеспечивать его развитие. В «Итогах развития...» Б.Н. Миронов делает вывод: «Не революционное движение, а верховная власть и правящий класс являлись двигателями прогресса в городе и деревне. В течение двух столетий, XVIII–XIX вв., в стране не возникало революционных ситуаций; реформы проходили по “манию

царя» (Миронов, 2015b: 651). Антигероем мифа выступают элиты, маргиналы-рабочие, национальные движения, революционеры и особенно интеллигенция, которые, борясь за свои интересы, мешают стабильному развитию страны и, в конечном счете, становятся виновниками революционных потрясений (Миронов, 2015b: 651), а причина революции видится в «социальной и культурной асимметрии», породившей социальное напряжение, усиленное Первой мировой войной.

В этих суждениях есть много правды. Трагическую роль интеллигенции в судьбе русской революции в свое время показал еще Н.А. Бердяев (Бердяев, 1991; Бердяев, 1998 и др.). Мало кто сегодня будет отрицать достижения российского общества на путях модернизации, в том числе результаты индустриализации, либерализацию политической жизни, рост уровня жизни. Роль государства как проводника реформ сегодня также признана многими, в том числе благодаря трудам Б.Н. Миронова. Все это правда, но правда, приобретающая черты «абсолютного» знания, а значит мифа.

Сила любого мифа, как отмечает А.Ф. Лосев, состоит в том, что о нем «ни в каком случае нельзя сказать, что миф есть фикция и игра фантазии... Он – не выдумка, а содержит в себе строжайшую и определенной структуры и есть логически, т. е. прежде всего диалектически, необходимая категория сознания и бытия вообще» (Лосев, 1990). Миф всегда правдоподобен и убедителен; более того, он отражает ту правду, в которую хочется верить, поскольку она соответствует внутренним потребностям общества (т. е. тех, кому адресован миф), соответствует времени.

Положительная оценка результатов имперской модернизации, невзирая на все ее издержки, сегодня как никогда востребована обществом и на обыденном, и на управленческом уровне. Поэтому позиция и идеи Б.Н. Миронова должны найти широкую поддержку, особенно среди учителей, перед которыми остро стоит задача воспитания патриотизма в подрастающем поколении. Сложнее обстоит дело с теми представителями профессионального исторического сообщества, которых не устраивают упрощенно «позитивные» или «негативные» выводы, поскольку сама по себе природа исторических процессов, а тем более переходных периодов очень сложна и многогранна.

В заключение хочется подчеркнуть, что рассматриваемая научная работа представляет собой интереснейший документ, порожденный талантом и огромным трудом ученого. Рецензируемой монографии присуще очень важное качество – книга заставляет задуматься, еще и еще раз пересмотреть свои взгляды на имперское прошлое, которые иногда уместно обозначить обидным словом «стереотипы». Они свойственны не только «простым смертным», но и историкам.

По широте обсуждаемых вопросов, остроте их постановки и глубине анализа фундаментальный труд Б.Н. Миронова не имеет precedентов в современной отечественной науке. Энциклопедичность подачи материала с опорой на широкую библиографическую и источниковую базу позволяет использовать рецензируемое сочинение в самых разных режимах: 1) как учебник по методам работы с историческими данными; 2) как справочник-энциклопедию по социальной истории имперской России, где можно подчерпнуть историографическую, библиографическую, источниковедческую, методологическую, понятийную, фактографическую информацию по базовым сюжетам истории России XVII–XIX вв.; 3) в историографическом контексте монография представляет собой целостную, хотя и не бесспорную концепцию развития России при переходе от традиции к модерну, объясняющую ее исторический опыт. Так, несомненно оригинальны и интересны выводы о роли социально-экономических, политических, культурологических факторов Революции.

Особо следует отметить статистические таблицы и приложения, опубликованные автором, – это неоценимый ресурс, который будет востребован научным сообществом. Не сомневаюсь, что книга станет добрым помощником и источником новых идей не только для профессиональных историков, но также для учителей и студентов.

Литература

Ахиезер, 2000 – Ахиезер А.С. Специфика исторического опыта России: трудности и обобщения. Размышления над книгой Бориса Миронова // Pro et Contra. 2001. Т. 5, № 4. С. 209–221.

- Бердяев, 1991** – *Бердяев Н.* Новое средневековье: Размышление о судьбе России и Европы. М.: Феникс: ХДС-пресс, 1991. 81 с.
- Бердяев, 1998** – *Бердяев Н.* Духовные основы русской революции: Опыты 1917–1918 гг. СПб.: РХГИ, 1998. 432 с.
- Бродель, 1977** – *Бродель Ф.* История и общественные науки: Историческая длительность // *Философия и методология истории* / под ред. И.С. Кона; пер. Ю.А. Асеева. М.: Прогресс, 1977. С. 115–142.
- Круглый стол, 2000** – *Российский старый порядок: опыт исторического синтеза: материалы круглого стола* / сост. С. Секиринский // *Отечественная история*. 2000. № 6. С. 43–93.
- Лапшо и др., 2010** – *Лапшо Г., Полян П., Селиванова Т.* Городские агломерации России // *Полит.ру*. 2010. 16 февр. URL: <http://polit.ru/article/2010/02/16/demoscope407/> (дата обращения: 16.06.2016).
- Лосев, 1990** – *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа. М.: Правда, 1990. 558 с. URL: <http://psylib.org.ua/books/losewo3/txt01.htm> (дата обращения: 16.06.2016).
- Мазур, 2012** – *Мазур Л.Н.* Российская деревня в условиях урбанизации: региональное измерение (вторая половина XIX–XX в.). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. 471 с.
- Миронов, 1990** – *Миронов Б.Н.* Русский город в 1740–1860-е гг.: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л.: Наука, 1990. 272 с.
- Миронов, 1999** – *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. Т. 1. 548 с.; Т. 2. 566 с.
- Миронов, 2000** – *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. Т. 1. 548 с.; Т. 2. 566 с.
- Миронов, 2003** – *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1. 548 с.; Т. 2. 566 с.
- Миронов, 2010** – *Миронов Б.Н.* Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. М.: Новый хронограф, 2010. 911 с.
- Миронов, 2013** – *Миронов Б.Н.* Страсти по революции: Нравы в российской историографии в век информации. М.: Весь мир, 2013. 336 с.
- Миронов, 2014** – *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 1. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2014. 896 с.
- Миронов, 2015a** – *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 2. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2015. 912 с.
- Миронов, 2015b** – *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 3. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2015. 992 с.
- Согрин, 2002** – *Согрин В.В.* Клиотерапия и историческая реальность: тест на совместимость (Размышление над монографией Б.Н. Миронова «Социальная история России периода империи») // *Общественные науки и современность*. 2002. № 1. С. 144–160.
- Уорнер, 1997** – *Уорнер У.Л.* Социальный класс и социальная структура // *Рубеж: альманах социальных исследований*. 1997. № 10/11. С. 42–57.

References

- Akhiezer, 2000** – *Akhiezer A.S.* Spetsifika istoricheskogo opyta Rossii: trudnosti obobshcheniya. Razmyshleniya nad knigoi Borisa Mironova [Specifics of historical experience of Russia: difficulties of generalization. Reflections over Boris Mironov's book] // *Pro et Contra*. 2000. Т. 5, nr 4, pp. 209–221 [in Russian].
- Berdyayev, 1991** – *Berdyayev N.* Novoe srednevekov'e: Razmyshlenie o sud'be Rossii i Evropy [New middle ages: Thinking about the fate of Russia and Europe]. Moscow: Feniks: HDS-press, 1991. 81 p. [in Russian].
- Berdyayev, 1998** – *Berdyayev N.* Dukhovnye osnovy russkoi revolyutsii: Opyty 1917–1918 gg. [Spiritual foundations of the Russian revolution: The experiments of 1917–1918]. St. Petersburg: RKhGI [Russian Christian humanitarian Institute], 1998. 432 p. [in Russian].

Brodel', 1977 – *Brodel' F.* Istoriya i obshchestvennye nauki: Istoricheskaya dlitel'nost' [History and the social sciences: Historical duration] // *Filosofiya i metodologiya istorii* [Philosophy and methodology of history] / pod red. I.S. Kona; per. Yu.A. Aseeva. Moscow: Progress, 1977, pp. 115–142 [in Russian].

Kruglyi stol, 2000 – Rossiiskii staryi poryadok: opyt istoricheskogo sinteza: materialy kruglogo stola [Russian old regime: experience of historical synthesis: materials of the “round table”] / sost. S. Sekirinskii // *Otechestvennaya istoriya* [National history]. 2000. Nr 6, pp. 43–93 [in Russian].

Lappo et al., 2010 – *Lappo G., Polyan P., Selivanova T.* Gorodskie aglomeratsii Rossii [Urban agglomerations in Russia] // *Polit.ru*. 2010. 16 fevralya. URL: <http://polit.ru/article/2010/02/16/demoscope407/> (data obrashcheniya: 19.06.2016) [in Russian].

Losev, 1990 – *Losev A.F.* Dialektika mifa [Dialectics of myth]. Moscow: Pravda, 1990. 558 p. URL: <http://psylib.org.ua/books/losewo3/txt01.htm> (data obrashcheniya: 19.06.2016) [in Russian].

Mazur, 2012 – *Mazur L.N.* Rossiiskaya derevnya v usloviyakh urbanizatsii: regional'noe izmerenie (vtoraya polovina XIX–XX v.) [Russian village in the urban environment: a regional dimension (the second half of the 19th – 20th ages)]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo Universiteta [Publishing house of the Ural State University], 2012. 471 p. [in Russian].

Mironov, 1990 – *Mironov B.N.* Russkii gorod v 1740–1860-e gg.: demograficheskoe, sotsial'noe i ekonomicheskoe razvitie [Russian city in the 1740–1860-s: demographic, social and economic development]. Leningrad: Nauka, 1990. 272 p. [in Russian].

Mironov, 1999 – *Mironov B.N.* Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): Genezis lichnosti, demokraticheskoi sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva [Social history of the Russian Empire (the 18th – early 20th centuries): Genesis of personality, democratic family, civil society and lawful state]: 2 t. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 1999. T. 1. 548 p.; T. 2. 566 p. [in Russian].

Mironov, 2000 – *Mironov B.N.* Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): Genezis lichnosti, demokraticheskoi sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva [Social history of the Russian Empire (the 18th – early 20th centuries): Genesis of personality, democratic family, civil society and lawful state]: 2 t. 2nd ed. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2000. T. 1. 548 p.; T. 2. 566 p. [in Russian].

Mironov, 2003 – *Mironov B.N.* Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): Genezis lichnosti, demokraticheskoi sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva [Social history of the Russian Empire (the 18th – early 20th centuries): Genesis of personality, democratic family, civil society and lawful state]: 2 t. 3rd ed. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2003. T. 1. 548 p.; T. 2. 566 p. [in Russian].

Mironov, 2010 – *Mironov B.N.* Blagosostoyanie naseleniya i revolyutsii v imperskoi Rossii: XVII – nachalo XX v. [The well-being of the population and the revolutions in Imperial Russia: the 18th – early 20th centuries]. Moscow: Novyi Khronograf, 2010. 848 p. [in Russian].

Mironov, 2013 – *Mironov B.N.* Strasti po revolyutsii: Navy v rossiiskoi istoriografii v vek informatsii [The passion for the revolution: mores in the Russian historiography in the information age]. Moscow: Ves' mir, 2013. 336 p. [in Russian].

Mironov, 2014 – *Mironov B.N.* Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu [Russian Empire: from tradition to modernity]: 3 t. T. 1. St. Petersburg: DMITRII BULANIN, 2014. 896 p. [in Russian].

Mironov, 2015a – *Mironov B.N.* Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu [Russian Empire: from tradition to modernity]: 3 t. T. 2. St. Petersburg: DMITRII BULANIN, 2015. 912 p. [in Russian].

Mironov, 2015b – *Mironov B.N.* Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu [Russian Empire: from tradition to modernity]: 3 t. T. 3. St. Petersburg: DMITRII BULANIN, 2015. 996 p. [in Russian].

Sogrin, 2002 – *Sogrin V.V.* Klioterapiya i istoricheskaya real'nost': test na sovmestimost' (Razmyshlenie nad monografiiei B.N. Mironova “Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii”) [Cliotheapy and historical reality: a compatibility test (Reflections on the “Social history of Russian Empire period” by B.N. Mironov)] // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity]. 2002. Nr 1, pp. 144–160 [in Russian].

Uorner, 1997 – *Uorner U.L. Sotsial'nyi klass i sotsial'naya struktura [Warner U.L. Social class and social structure] // Rubezh: al'manakh sotsial'nykh issledovaniy [Boundary: the almanac of social researches]. 1997. Nr 10–11, pp. 42–57 [in Russian].*

УДК 94(47)

Аналитизм против эмпиризма: размышления о новой книге Б.Н. Миронова

Людмила Николаевна Мазур^{а, *}

^а Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется монография Б.Н. Миронова «Российская империя: от традиции к модерну», обсуждаются черты авторского стиля и методологии исследования. В центре внимания находятся три основных вопроса:

(1) Обсуждение особенностей аналитического труда, к категории которых относится монография Б.Н. Миронова. Высказывается мнение о том, что эмпирические (конкретно-исторические) и аналитические (обобщающие) труды относятся к разным категориям исследований, но имеют одинаковую ценность, т. е. их нельзя противопоставлять. Если эмпирическое исследование ориентировано на полное и системное описание исторических явлений, то аналитическое – на выявление закономерностей и изучение тенденций.

(2) Достоинства и недостатки интегральной методологии, использованной в монографии для интерпретации исторического материала. Отмечается, что одним из возможных последствий концептуального инструментализма и плюрализма выступает смешение понятий, относящихся к различным терминосистемам, что отражается на корректности восприятия информации читателем.

(3) Роль историка в создании исторических мифов. Ориентация на «позитивный» или «негативный» подход к оценке исторических событий и процессов в силу своей эмоциональной окрашенности способствует созданию исторических мифов. Историки активно участвуют в формировании и мифологизации исторического сознания: в противовес советскому мифу о Российской империи как «тюрьме народов» и стране «нищеты и бесправия» сегодня приходит востребованный обществом миф «достижений».

Ключевые слова: история Российской империи; методология; методика; аналитизм; эмпиризм; население; семья; урбанизация; исторический миф; модернизация.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: Lmaz@mail.ru (Л.Н. Мазур)